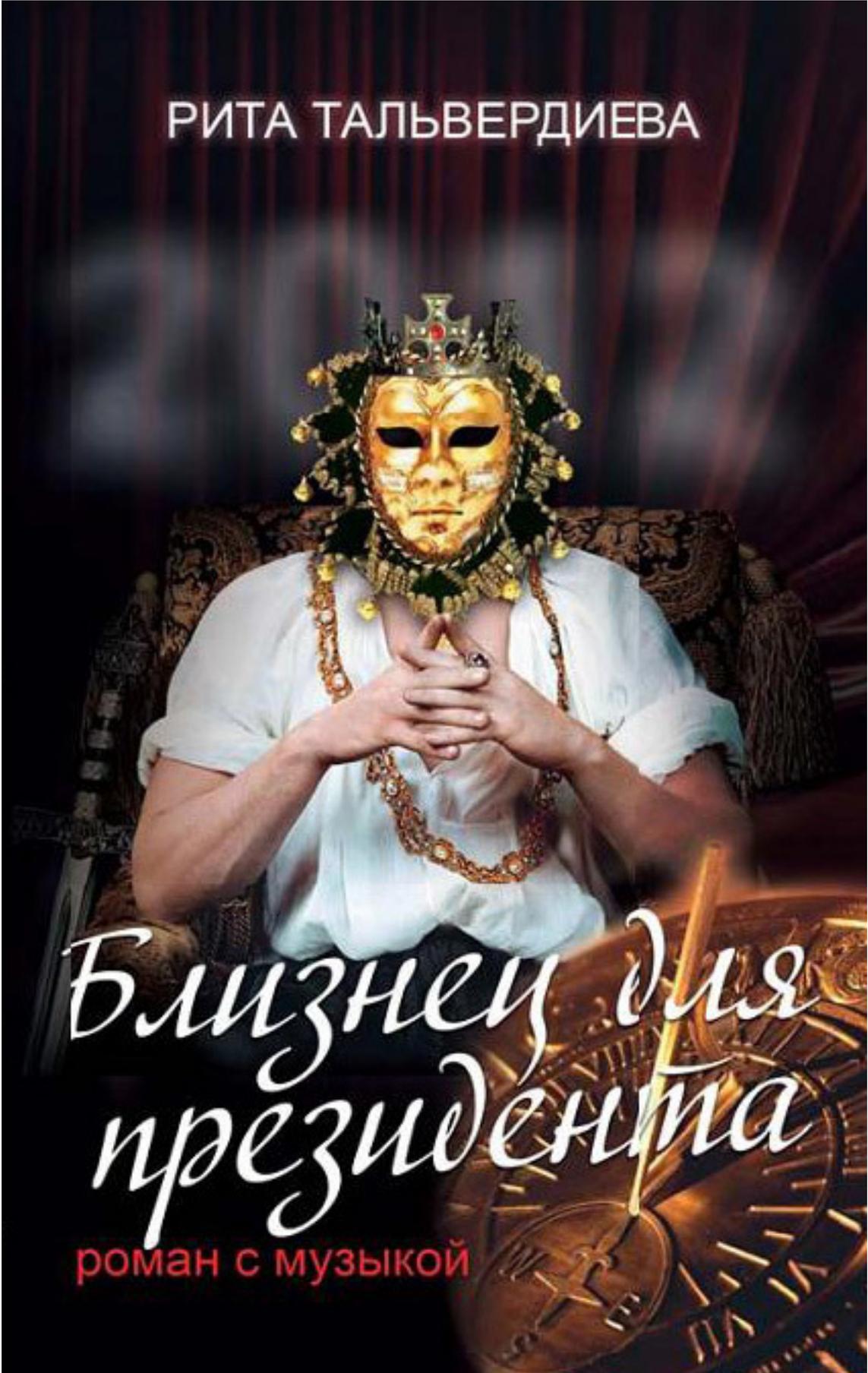

РИТА ТАЛЬВЕРДИЕВА

Близнец для
президента

роман с музыкой

Рита Тальвердиева

**Близнец для президента.
Роман с музыкой**

«Автор»

2008

Тальвердиева Р.

Близнец для президента. Роман с музыкой / Р. Тальвердиева —
«Автор», 2008

Заказ был странным. Весьма. Он даже не сразу въехал, в чем эта странность. Распечатка удивила объемом. В досье значилось семеро...Вдруг... Взгляд оцарапали цифры: дата рождения обоих депутатов совпала с губернаторской. Стоп! Стоп. Стоп... И дата рождения мэра – та же – 2.06.1977 года! А это что?! Палец сам вдруг запрыгал от строчки к строчке, от даты к дате: все «кандидаты в покойники» родились... в один и тот же день. Опечатка исключалась: шла игра не в бирюльки.

© Тальвердиева Р., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Пролог	7
Часть 1. Тень Ирода	9
Глава I	9
Глава II	13
Глава III	23
Глава IV	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Рита Тальвердиева

Близнец для президента. Роман с музыкой

©Тальвердиева Р., текст, 2008

©Издательство «АСТ», 2008

©Издательство «Зебра Е», 2008

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Любое сходство вымышленных частных и официальных лиц, компаний и организаций с реально существующими является случайным, и автор за это никакой ответственности не несет.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения автора запрещено.

*Кто может идти к источнику,
не должен идти к кувшину.
Леонардо да Винчи*

*Нет, это была не музыка.
Это было нечто. Катастрофа.
Триллер! Девятый вал!!
Это была пляска Смерти.
Взбесившийся рояль выпустил на
свободу зверя.*

Пролог

– Хобби!.. – так я отишутился...

Пресс-конференцию венчал вопрос с подтекстом: маститый режиссер и вдруг – картины маслом. И – выставки... Абсурд? Зигзаг?

– Нет, хобби... Пару лет назад душа открыла дверцу в мир красок и холста – я стал писать картины. Конечно, хобби!

Но сейчас я, право, не уверен. А может, дело в слове – чужом и плоском? Скорее, живопись – движение моей души, страсть, недуг, наконец, – призванье? Второе – после режиссуры. А может – главное?!

Кто знает?.. Конечно, новый мой знакомый: Мармаров Михаил – профессор, магистр астрологии, ученый. Он гороскоп играючи составил и объяснил доступно мне:

– Нептун – Rex Aspectarius, король твоих аспектов. А это значит – довлеют грезы, притягивают, манят, сочатся сквозь панцирь жестких правил – защиты верной от невзгод и бурь. Но разве грезы запереть возможно?.. Вот первым – с юности – кино нарисовалось, второе – живопись – уже на склоне лет. Но есть призванье третье.

– Какое?..

Он промолчал. Лишь книгу мне подвинул. Похоже, триллер – пусть романтический, не спорю. Увы. Не мой калибр. Но тем не менее я взял. Уважил.

– Прочтешь, поставишь фильм – познаешь еще одно свое призванье – третье – венец всех грез земных. Им станешь знаменит. В веках.

...Ночник включен. На тумбе рядом – книга. Ее прочел я днем. В один присест. Глотком.

Но тянет на сон грядущий перелистать, прикинув сразу роли. Не дотерпеть до завтра. И зреет на глазах, растет сценарный план.

Антон Макаровский – Меломан, как влитый. На роль героя тянет безупречно.

Марина Александрова, допустим, сыграет Веру. Роль не плоская, с надсмислом, но... таланта ей не занимать.

Герой второго плана – Арсений, журналист – ну, точно Домогаров...

Старик Ведун, конечно – Джигарханян. Иль Зельдин?.. Зельдин! Лишь он сыграет безупречно роль лжемага. Величие, апломб, порода... Все при нем. Плюс капля inferнальности и... нота верная взята. Так взял ее блестяще Владимир Зельдин в известном триллере про 10 негритят...

Вот роль астролога внушает опасенье – кто лучше, убедительней Мармарова исполнит. Кто?!

А, может – я?! А что... Подумать можно.

Слипаются глаза. Второй час ночи. Но есть и закавыка – зудит и гонит сон. Здесь саундтрек – второй герой, основа фильма. Без дивной музыки, без песен – фильм как пустой орех.

Идея! Есть идея!..

Вот ноты песен – прямо в книге, успел я наиграть – мелодия проста, нежна, доступна и реет энергетикой триумфа. Каков накал? А страсть? А стон?..

Все! Решено. Три песни – о России, о Вере, спящей девушке из сказки и – о Звезде – войдут в сценарный план. Да, вот еще – есть песнь о Кисловодске – о городе-курорте, где связано так много с моей судьбой... Заметано. Кто автор? Вот – Карина. И здесь же, в послесловье – откровенье автора романа: без музыки Карины – романа не было б, сюжет бы не сложился.

Заметано!

Еще вопрос: где съемки? По сюжету: Москва, Париж, Сан-Ремо и курорты Кавминвод. Решаемо. Вполне.

*Еще – завязка, фон для титров – вопрос немаловажный. С чего начать? С убийства?..
Нет, раскадровку эту мы вытащим с середины. Та сцена с киллером и его «оруженосцем»
– Марусей-карлицей. Итак! Вот киллер получил заказ... Но нет, мой зритель решит, что
боевик его смотреть позвал я. Нельзя... Хотя?..*

Вопрос еще – обличье Ветра. А если – с анимацией? Пойдет...

Вопросов тьма... Глаза слипаются, но мысль не спит...

Часть 1. Тень Ирода

*Человек хуже зверя,
Когда он зверь.
Рабиндранат Тагор*

Глава I

Время «Z»

Подмосковье, 7 февраля 2008 г.

Заказ был странным. Весьма. Хотя «пришел», как обычно – по электронке. Он даже не сразу въехал, в чем эта странность...

Распечатка удивила объемом. В досье значилось семеро.

Впрочем, три года назад был «опт» и покруче: почти дюжина. Все – свидетели. Неудобные, разумеется. На ясный «запрос» он дал безукоризненный «ответ»: свидетелей больше не было.

А здесь?! Ясности – никакой...

Срок исполнения 20 дней.

Степень воздействия – кардинальная.

География – разброс в 1500 км.

Резковато, однако. Но выполнимо: по-царски выделены средства на расходы, плюс предоплата. Все, как обычно.

Но!

Логика зримо хромала. Заморочки сбивали прицел. В такие одежды обычно рядится подстава. Подстава?! С подобным бюджетом? Чушь!.. Но в чем же фокус?..

Итак, – в который уж раз препарировал он заявку, – в список вошли: два депутата нынешнего, декабрьского, созыва (партии причем разные!); беспартийный губернатор Южной области; известный артист (но не «звезда»); мэр краевого центра (Дальний Восток); профессор новосимбирского физмата и, трудно поверить, журналюга из занюханного Семигорска. На кой он-то им сдался? Компру надыбал? Тогда с какого бока тут профессор? Формулой заветной не поделился? А при чем тут тогда герой-любовник, ходячий приз домохозяйек и пенсионерок?!!

Непонятки клубились и дыбились. Мозги топорщились. Туман искажал перспективу. Вдруг... Взгляд оцарапали цифры: дата рождения обоих депутатов совпала с губернаторской. Стоп! Стоп. Стоп... И дата рождения мэра – та же – 2.06.1977 года! А эт-то что?! Палец сам вдруг запрыгал от строчки к строчке, от даты к дате: все «кандидаты в покойники» родились... в один и тот же день. Опечатка исключалась: шла игра не в бирюльки.

– А что тебя смущает? – вдруг подала голос Маруся – его тень, экономка, кухарка, верный оруженосец и единственный советчик – существо без пола и возраста – просто Маруся.

Копия распечатки уже давно лежала у нее на коленях. Она лишь ждала, пока он заговорит. Его тревожное бормотание она приняла за команду «голос».

– Так, чем же тебя смутили близнецы? – уже громче повторила она. Судя по ее оживленному цепкому взгляду, эту загадку она расщелкала, как орешки.

– Сам не знаю, – пожал он плечами. – Чую только – стремный заказ: с двойным дном.

– Пойдем, как обычно, от обратного?

– Дуй, Маруся, дуй, – смежил он от усталости веки.

– Политика отпадает, хотя политиканы в игре участвуют, – ее голос шелестел как сухие листья в сезон листопада.

Он неуверенно кивнул:

– Дальше.

– Любовью и ревностью тут и не пахнет.

Он отмахнулся.

– Следовательно, здесь замешаны большие деньги. Очень большие. Баснословное наследство, к примеру, – ее победоносный взгляд пронзил его как рапира.

Он окончательно проснулся.

– Так уж и баснословные? – уже откровенно развеселился он.

– А их расходы?! Они перекрыли твой сумасшедший гонорар в пять раз! – ее когтистые лапки невольно сжались в кулачки. – Поверь мне, ключ – в одинаковой дате рождения. Возможно, эти близнецы и не знают друг друга, возможно, они воспитывались, как и я, в детдоме. Или – у приемных родителей. Отсюда их разные фамилии, социальный статус, круг общения и место жительства. Завещание, скорее всего, составлено за границей. А заказчик – скороспелая вдова тамошнего олигарха – вдруг наткнулась на завещание... Близнецы стоят у нее на пути.

– Стоп, Маруся, стоп! Очередная версия Санта-Барбары не проходит. Семь близнецов! Даже для мексиканского сериала жирно. Так что, спасибо, я уже отдохнул. Нацеди-ка мне рюмку своей наливки. И чаю – в большую кружку. Я еще поработаю.

Она неловко соскользнула со стула и молча прошелестела в сторону кухни. Ее крохотный горбик перекатывался при ходьбе мячиком, по нему обиженно прыгала седая косица.

Он проводил ее взглядом. Нет. Ему не было ее жаль, и он на нее не сердился. Маруся приоровилась стать частью его интерьера, говорящим пуделем, нет, скорее, ручной крысой, преданной как овчарка и опасной для чужих как волкодав. Однажды ему пришлось самому в этом убедиться: своими острыми крысиными зубками она чуть не перегрызла горло весьма опасному типу – чистильщику. Ему лишь осталось сделать контрольный выстрел.

С тех пор шеф-диспетчер перевел его в ранг «неприкасаемых». Но вместо прежнего позывного «Z» к нему намертво прилипло «Волк». Впрочем, он не возражал: Маруся так и осталась в тени, зато ставки его удвоились.

Так Маруся стала его тайным талисманом, странным, как и вся его жизнь.

Он долго не приобщал ее к делу... Словно выпрыгивающая из ужастика бабка-ежка, Маруся сама по себе являлась ходячей приметой. Но именно случай с чистильщиком открыл ему на нее глаза. Пугающе-непристойная внешность именно *отталкивала*. Всех. Даже профи, у которых вместо глаз прицел, отводили взгляд, игнорируя копошащуюся под ногами старуху, как навозную кучу: обойти и забыть, забыть, забыть...

Так, Маруся блестяще сдала экзамен на звание его напарника. Вместо лицензии он вручил ей комплект спецгрима, накладных носов, зубов и плеч, ворох париков. Помимо стариковско-старушечьего прикида (на пять размеров больше) и специально выточенных двадцатисантиметровых ходуль, позволяющих изменять рост, ее скудный гардероб пополнился дюжиной детских обновок: разноцветными курточками, джинсиками, ботиночками и ранцами.

Когда она предстала пред ним в прикиде третьеклассника – в пушистой шапочке до переносы, в серой курточке с высоким дутым воротником, подвязанным красным шарфиком, – он

обомлел. Ни дать ни взять, пацан-малолетка! Свой горбик она искусно спрятала за школьным рюкзачком, в котором предварительно вырезала специальное отверстие.

Именно тогда, пораженный перевоплощением, он впервые спросил о ее возрасте: этой бабке-Шепокляк едва исполнилось 40! Она была младше его на целых два года. Действительно, морщины, придававшие ей старушечий вид, не бороздили лицо, а были словно процарапаны, как некие тайные письмена на пергаменте. Так что наложенный макияж делал ее лицо гладким как у ребенка. А прилаженный паричок с челкой давал ей право на блажь: покрасить и состричь свою тонкую седую косицу Маруся отказывалась категорически. Бледно-дымчатыми очками легко гасились мерцающие огоньки в крысиных глазках.

В какой-то миг он вдруг почувствовал себя в роли папы, которому пора вести ребенка в школу. Он и повел. Маруся была великолепно, более того – убедительно. В таком прикиде ее принимали за своего даже малыши в песочнице, причем их мамы и бонны тоже (с «ровесниками» и более старшими детьми играть было опасно – это мы понимали).

Спустя время черты ее треугольного лица слегка округлились, стали еще неприметнее, будто стерлись. Голос смягчился. Обретя второе дыхание, ее сгорбленная душа распрямилась. Он расчистил ей место в этой паскудной жизни, где она могла победно чиркать свой кровавый автограф. Приходилось прятать лишь взгляд – она метала раскаленные угольки с яростью бомбардира. Лишь, глядя на него, в ее глазах расцветал аленький цветочек. Более отталкивающего зрелища ему видеть не приходилось. Со временем он привык. Как привыкают к ядовитому оскалу верного бойцовского пса.

Свои «версии» Маруся черпает из детективов. Другое чтиво игнорирует. Порой она давала блестящие советы, когда заказы носили межличностный характер – из ревности, шантажа, мести. Впрочем, за последние годы «африканские страсти» поутихли, сошли на нет. Дешевле стало договориться, чем «заказать». Властители судеб надели на сердце панцирь, наклеили на уста улыбки. И – стали неязвимы.

«Ничего личного» – дикий бренд XXI века... «Ничего личного» – и ты в седле.

Так что страсти из-за наследства я отмел сразу, хотя бы из-за массы нестыковок. Но Маруся права – здесь пахнет баснословно большими деньгами. Хотя сам фокус – в чем-то ином. Сногшибательный эффект демонстрации заслонил некую манипуляцию. Придется работать на ощупь. Здесь понадобится двойная страховка. Без «просто Маруси» не обойтись.

Глава II

Поезд приговоренных
г. Южный, февраль 2008 г.

– Меня нет! – весело прокричал он из кабинета. – Вы-ход-ной!

Его тон позволил проигнорировать сказанное: вбежав в комнату, жена радостно протянула трубку.

– Это тебя, дорогой. Сам Матиевский!

Он округлил глаза.

– Артист! Из сериала «Наперегонки с роком», – восторженно прошептала она. И, уже не сдерживаясь, расплылась в улыбке. – Успеваешь к моему юбилею. Через час его рейс из Москвы.

Передав мобилу обалдевшему супругу, она выскользнула прочь: предстояло отдать новые распоряжения координатору праздника, в том числе – и своевременно встретить в аэропорту знаменитого гостя.

Она не сомневалась – муж-губернатор не будет сердиться за ее своеволие. Как это мило с утра он сказал: «Сегодня ты вольна делать все, что пожелаешь». От удовольствия она зажмурилась. Карт-бланш он давал ей не часто, но она знала: ей повезло в главной лотерее жизни – она любима.

Сейчас самолюбие приятно щекотал вопрос: «Кто? Кто инициатор этого потрясающего подарка?! – Судя по реакции мужа, для него это оказалось таким же сюрпризом. Подруг она отменяла сразу. – Родня?.. – с сомнением повела она головой. – Нет, до этого им не допетрить. Она долго перебирала в уме всех из близкого окружения мужа. Безрезультатно.

Старые друзья, поддерживающие отношения с его прежней женой, отпали сразу, а нынешние – «не проверены в бою», как однажды выдал ей муж (на посту губернатора он неполных два года).

До подобного сюрприза мог дойти лишь человек с ярким полетом фантазии и авантюрной жилкой. Таких среди окружения мужа она не знала. – Чем гадать, лучше прямо спросу», – решила она, неся в кабинет поднос с утренним кофе.

– Ну что, родная, – просиял улыбкой супруг, – ждешь твоего артиста прием – высший класс! Но и он программу нам выдаст – закачаешься. Признаешься, – усадил он жену на колени. – Кто оплатил этот щедрый подарок?

Теперь округлила глаза она.

– Оплатил?!

– А ты что думаешь?! – насторожил его неожиданный поворот. – Звезда сериалов вот так и примчится из столицы в глушь?! Из уважения?! К тебе?!

Ее губы обиженно дрогнули. Взгляд затуманился. Она вскочила.

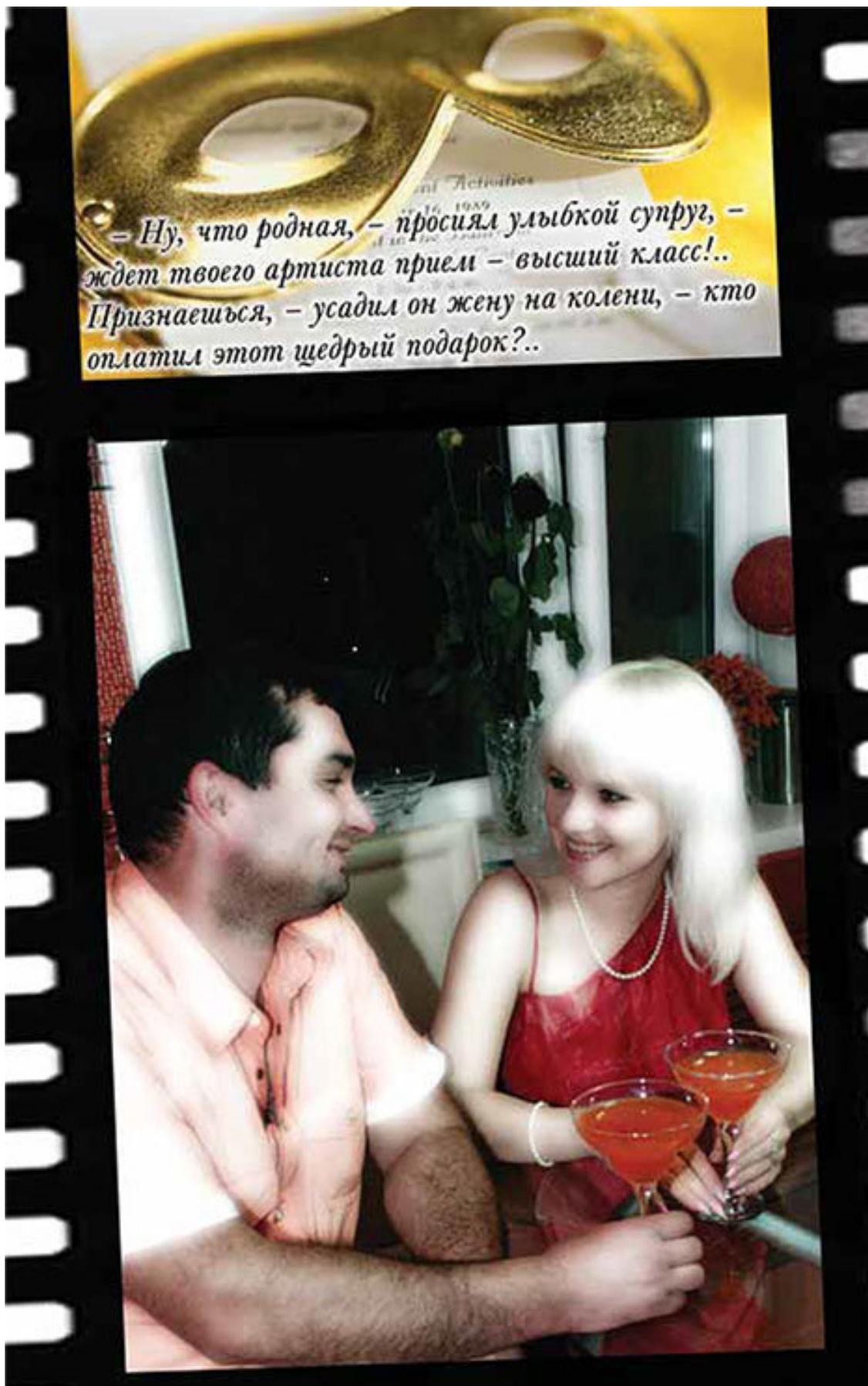
– Из сердечного порыва даже близкие не разорятся на «звезду». Такой подарочек, – поскреб он затылок, – тысяч на двадцать потянет. Долларов.

Она непроизвольно ахнула и растерянно опустилась в соседнее кресло.

– Ну, ничего! – махнул он рукой. – Кто б это ни был – раскроется! Сам. Уже к вечеру! Такими деньгами инкогнито не бросаются. – Скорее всего – это Хмелевский, – призадумался он. – Давненько на прием рвется...

Из вопросительно распахнутых глаз его затопило синим. Он подошел к своей ненаглядной. Приобнял.

– А что толкового может предложить бывший продюсер и нынешний областной депутат, – подмигнул он. – Очередную клоунату?

*– Ну, что родная, – просиял улыбкой супруг, –
ждет твоего артиста прием – высший класс!..
Признаешься, – усадил он жену на колени, – кто
оплатил этот щедрый подарок?..*

Жена уже улыбалась.

– Так что пусть в Думе душу и отводит, – заключил он и залпом допил кофе.

Жена выпорхнула из кресла и вопросительно застыла у двери.

– Иди, милая, занимайся. Дел у нас выше крыши, – озабоченно проговорил он, провожая ее взглядом.

«А может, все ж какой поклонник у Лизаветы моей выискался?!» – пробурилось вдруг в сознании... Он тут же повел волевым подбородком.

– Чепуха! Реверанс этот, чую, по мою душу...

Если б он знал, насколько он прав, тут же отменил бы и текущие дела, и скоропостижный прилет «звезды», да и весь этот балаган под названием «юбилей жены губернатора»... Впрочем, вряд ли это его бы спасло... Тень Ирода накрыла его одним из первых.

* * *

Поселок Таежный, февраль 2008 г.

Челюсть ломило, не переставая; анальгетики не помогли. Он повернулся было на бок, но едва сдержал крик: словно тысячи раскаленных игл пронзили больное место. Он замер, пока боль не утихла.

Его подручный – *помощник* вновь избранного *депутата Государственной Думы России* – лишь громко посапывал на соседней койке. «Да, здесь тебе не гостиничные апартаменты», – вдруг вскинулась слепая обида. Бывший Дом колхозника, единственное пристанище для командированных всех рангов, кичливо звался «Пансионат Победа». Клоповник! Для тупарей. И он – среди них.

А до Москвы, до дома родного 1000 километров. Тоска его грызла не переставая.

– Вдруг там трещина? – украдкой всхлипнул он. – Да и зуб раскололся надвое, – он вновь повел языком по вспухшей десне: бо-о-льно.

Нет, билет менять он не станет, полетит домой послезавтра, во вторник. Как и планировал. А завтра, по утрам – бегом к местному эскулапу. «Мэр» поселка клятвенно бил себя в грудь: поутру, дескать, лично его доставит. В их селе все как у людей. Даже дантист ведет прием два раза в неделю.

– А если острая боль? – едва шевеля губами, спросил тогда он. Уже не как депутат, а просто как страждущий. С надеждой.

– В область везем, 120 километров к северу, – строго отчеканил «мэр». – Так что парочка реаномобилей, – со значением зыркнул он в его сторону, – во как нужна! – И остервенело рубанул по горлу.

Во! В том и соль. В амбициях. Захотелось, блин, признания. Полпредом от депкорпуса ударить по глубинке и бездорожью. «Ударил». И – вляпался. В весьма скверную штуку. В дерьмо!

Нет, наехал бы на него по пьяной лавочке мордovorот какой, или, что лучше – противник от партии побежденных, ходил бы он сейчас в героях. А мразь та, что руку подняла, гнила б в психушке или латала б очко в СИЗО.

Но вместо судьбы героя ему выпали карты шута горохового. С подобным «имиджем» и партийцы родные открестятся, – понял он. – Особенно, когда эта фотка пойдет гулять по NETу и развлекать любителей желтой прессы.

С этого дня, – проступило вдруг явственно, – он труп. Политический труп. Мистер Никто. Пустышка.

Главное, в Москве скажу – не поверят, – застонал он от досады. – И даже – Люська! – вскинулся было он и тут же поплатился: боль вновь лягнула под дых и заплясала огненную жигу.

– О чем это я? – попытался он отвлечься, баюкая в ладони вспухшую щеку. – Ах, да! О Люське... Вспомнит еще, картавая, как лет пять назад к горничной-чувашке он под юбку залез. А наутро ее мужик с ножичком и прискакал... Скрутили тогда мужика. Вмиг. Свита была – не подступишься: кандидат в депутаты. Одномандатник, блин. Фигура... Конкуренты-оппоненты расслабиться не давали и эскорт был что надо. С выучкой. На все случаи жизни.

Только, кто ж его потом Люське заложил? Вопрос...

Предают только свои, – вздохнул он и распахнул глаза. – Кажется, боль утихла. Но в сознание вновь вторгся тот нелепый до пасквиля эпизод: под юродивого попал-подставился. Как пацан. Пришлый паломник-уродец его и оприходовал. Прилюдно. На потеху репортерам. Ум-мо-ра, – всхлипнул он.

Теперь отчаянно заныла душа.

Короткий спич перед селянами удался. Перечень оглушительных цифр – вызвал аплодисменты. Неожиданно запели колокола.

– Надо же, – удивился он, – население в десять тысяч, поликлиники своей нет, а храм – нате, пожалуйста!

Отчего-то стало не по себе. Близорукое солнце прикрылось тучей. Порыв ветра заставил поднять воротник. Не по его ли душу звон? – дрогнуло вдруг в груди. Он поежился.

Но... Трагическая нотка знамения упала в кипящий фарс. Откуда ни возьмись выпрыгнул на серединку гном-юродивый. Росточком до пупа; глистой скрючен; на ветру космы седые полощутся; усы землю метут; в глазах – угольки мерцают. В руках уродца – крест резной, деревянный. Он им и машет, будто крестить народ собрался. Вновь проявились фотографии, замелькали. Дескать, типаж интересный, из паломников... Смотрю, а люди уже головы склонили; как загипнотизированные, к бормотанию его прислушиваются, внимают. Обернуться не успел, а юродивый... крестом меня и припечатал. Метил, гад, в голову, едва увернулся. Но зубы он мне пересчитал. А вспышки... Вспышки репортеров доконали.

Стас, помощник мой верный, скрутил уродца, тот и размяк, стал слюни пускать...

Дал я, разумеется, отмашку: отпустите, мол, на все четыре стороны. Больной, мол... И толпа солидарно загудела, – вздохнул он. – Толпа, – механически повторил он вслух, осознавая, что боль поутихла. И за что в старину юродивых любили? Бр-р-р-р.

А Стас очень долго мыл руки, даже в стакане водки их купал, – усмехнулся он.

Боль уже не пульсировала. Отступила. Он так и не заснул. Но туманный зимний рассвет встретил с улыбкой: еще одно утро и он будет дома.

...Он раскрыл рот и смежил веки. Вид древней бормашины в рваном резиновом кожухе тонуса не прибавил. От подобного динозавра он однажды сбежал в далеком детстве. Сейчас не сбежишь. Идешь, как на казнь. Своим ходом. Стало быть, надо...

Дрелью затряслась в руках доморощенного дантиста бормашина. Он приоткрыл глаза. Последнее, что ему было уготовано видеть в этой жизни, – тонкие резиновые перчатки дока. Электрический заряд в 250 ватт, вырвавшись на свободу, прекратил его страдания. Он перестал быть шутком и превратился в мученика.

* * *

г. Забаровск, февраль 2008 г.

– Где Света?! Где доченька? Где?! – мертвой хваткой вцепилась она в рукав мужа и, не сдерживаясь, зарыдала в полный голос. – Что с ней сейчас делаю-ю-ют?..

Ее муж словно впал в ступор.

– Очнись! Тебе говорят! – она потянула его с дивана. – Вста-вай, ищи!..

Он вздрогнул и обреченно приобнял жену.

Стоявший у дивана парень – личный водитель, он же телохранитель и, практически, друг семьи, – осторожно откашлялся, пытаясь обратить на себя внимание. Ну, и обратил на свою голову.

Женщина вздрогнула и расстреляла взглядом обоих. Последний выстрел достался мужу:

– Это все ты! Твоя политика! – зашептала она страшным голосом. – Допрыгался, мэр долбаный!..

– Галиночка Петровна! Галочка, – подала голос экономка. – Послушайте, что Диня придумал! – подмигнула она парню.

Нехитрая уловка подействовала.

Галина бросила терзать мужа и повернула к нему заплаканное лицо.

– Галина Петровна, – нарочито бодрым голосом начал Денис, – раз они позвонили, все будет тип-топ.

Рот Галины некрасиво дернулся.

– Ну, я к тому, – взволнованно зачастил он, – это – не отморозки и не бандюги. Сумму они запросили не запредельную. Даже скромную... Просто... – пожал он плечами, – ловцы удачи...

– Ты что мелешь-то, – зашипела экономка, заметив, что лицо хозяина начало багроветь.

– А то! Не причинят они ребенку зла. Мы их условие выполнили. Никто их не пасет. Деньги приготовлены, – кивнул Денис в сторону пухлого пластикового конверта. – Еще максимум час-два – и мы увидим Светика живой и невредимой. И – убедим: это был сон. Или... сказка. Ребенку-то пять лет. Все быстро выветрится и былшем порастет...

Экономка поощрительно закивала.

Пока он говорил, взгляд Галины стал более осмысленным. Она отбросила скомканный платок в сторону и поднялась с дивана. Подойдя к окну, некоторое время пристально вглядывалась в темень и, обернувшись, вдруг вымолвила:

– Вспомнила!

Тут очнулся и муж. Его взгляд стегнул сильнее, чем окрик.

– Пару дней назад, – задумчиво начала она, – Светик испуганно закричала. Она увидела в окне, этом окне... бабку-ежку, – тем же ровным голосом продолжила Галина. – Так ей показалось, думала я. А доча все билась в истерике: я боюсь ежку, боюсь... Чтобы успокоить, я предложила ей поиграть в сыщиков. Мы обошли комнату, вместе заглянули под диван, за телевизор, даже – в тумбочку. Раздвинули до упора шторы и проверили шеколды на окне. Я своего добилась, – тем же механическим голосом закончила она, – ребенок уже вовсю тискал котенка. Но!.. – едва слышно выдохнула она и пауза, томительная пауза ударила морозом по коже. – На стекле... со стороны улицы... – спазмы мешали ей говорить, – я заметила небольшое запотевшее пятно, круглое, размером со сливу. Оно. На глазах. Таяло...

Все были ошарашены. Денис подвел ее к дивану.

Муж распахнул окно и свесился наружу. К нему подошел Денис. Какое-то время они что-то там высматривали.

– Ерунда! – отмахнулся Денис. – Вам показалось, – попытался успокоить он взглядом Галину.

Она лишь качнула головой.

– Но ты ведь знаешь! – вскинулся теперь муж. – Водосток на расстоянии пяти метров, пожарной лестницы нет, стены гладкие. До соседнего балкона метра три. До земли – десять. До крыши – столько же!

– А карниз? – едва шевельнулись побледневшие губы.

– Ха! – хлопнул по ноге себя муж, – только Светочкина ножка и уместится. Плюс наледь. Зима!.. – тряхнул головой он и чуть тише добавил: – Тебе показалось, Галя. По-ка-залось!

– Ворюги и не на такое способны, – приковала было к себе внимание экономка, но мелодичный перезвон прозвучал как гром среди ясного неба. Первая очнулась Галя и бросилась к телефону. Подержав секунду у уха, она с ужасом протянула трубку мужу:

– Тебя! *Они* – хотят – тебя...

Не прошло и минуты, как входная дверь выпустила главу семейства, главу славного уральского городка. Он успел схватить ключи от машины и пакет с выкупом. Оставалось лишь следовать инструкциям.

...Уже за полночь победным гонгом заскрежетал замок. Дверь распахнулась. На пороге стояла Светик. Слегка заспанная, но довольная – рот до ушей:

– Мама! Мамочка! А я в гостях была! У бабы-яги-и! – радостно пролепетала она.

Мать сжала ее в объятиях. Экономка бравурно загремела чашками.

– Я же говорил, – шмыгнул носом Денис. – Говорил!!

– А где Дмитрий Петрович? – вновь подал голос Денис и выглянул на лестничную площадку. – Где папа, Светик?..

– Может, машину ставит? – неуверенно пролепетала, выглянувшая из кухни экономка.

Галина и Денис переглянулись:

– А кто же ей двери открыл?! – одновременно выдохнули оба.

Распахнутая наружу дверь лишь горько всхлипнула.

– Ди-и-ма!! – отчаянно заголосила Галина, выбежав на лестничную площадку. – Ди-и-ма...

Ей ответило лишь гулкое эхо.

Присев на корточки, Денис тормозил ребенка:

– Где папа, Светочка? Где?!.

– Бабка-ёжка съела, – показала она язык и подбежала к застывшей в стороне экономке. – Я тоже кушать хочу-у-у...

* * *

г. Сосновск, февраль 2008 г.

Ее живот пер как Бонапарт на Москву: нагло, вызывающе, бесстыдно. Мальчик, – удовлетворенно кивнула как-то соседка, ощупывая взглядом ее раздувшуюся фигуру. Ей-то что, – пожалала она плечами, и машинально огладила живот, – нет, не мальчик! Сокровище у нее под сердцем – чистое золото, бриллиант!

– Ого! – глянула она на часы: уже девять. – Вот соней вдруг заделалась... Почему нет?.. – сладко потянулась она.

Что ж, школу она бросила, даже бумаги не оформила, к черту! Все потом-потом. Вот в марте родит – контрольные экстерном сдаст: не проблема. Да и времени будет уйма... Но сокровище огранить сейчас треба, до родов. Потом поздно будет, – окончательно проснулась она и поднялась.

Как и вчера ноги привели ее в прихожую – немытую-нечесаную, плевать! Там, на тумбе, маяком новой судьбы крашеной бронзой мерцал телефон. Обычный. Стандартный. Проводной.

Тот тип прознал лишь ее домашний. Про сотовый даже не спросил. И своего не оставил. Теперь сиди-жди. «Но ниче, – хмыкнула она громко. – У него, видно, свой интерес. Крепкий. Дозвонится!..»

Но трубку на всякий случай подняла: непрерывный гудок успокоил – работает. И откуда у нее старческие заморочки? – качнув головой, протопала она в ванную. – Откуда! От счастья

нежданного. Пропустить – запаadlo и боязно. А вдруг все блеф? сон? мираж? И бабок обещано немерено... За что, спрашивается? Она и за десятую часть все б устроила.

Резвый напор воды взбил крутую пену. Она заколола волосы и неспешно опустилась в воду, едва теплую – в такой долго не понежишься.

Вся «работа», – переключилась она вновь на события трехдневной давности – сделать фотки – себя, родимой. И – распечатать с десятков. Вот такую – с пузом.

Фишка в том, что прикид должен быть стремный. И антураж – соответственный. В общем ряду с торговками. На стихийном рынке. С ведром картошки. И руки, руки должны быть грязные, с обломанными ногтями, без маникюра. А на лице – макияж смазанный, вроде как «вчерашний». Такой вот перец! – шлепнула она по воде мочалкой и вытащила пробку. Вода устремилась в трубу, оставляя клочья пены на стенках ванны.

...А как в жизни все меняется. Как в калейдоскопе. Что-то безвозвратно уходит... Но на том месте проявляется новое, порой лучше прежнего.

Всего год назад мать похоронила. Соседи жалели – сиротинушка!.. но ошиблись.

Все случилось, как в сериале занюханном. Открыла мать перед кончиной тайну: жив-здоров ее отец, не давится, да в столице живет припеваючи. А что прочерк в свидетельстве – там, где имя отца должно быть вписано, так условие она выполняла...

Бред думаю? Иль агония это такая? Губы сухие, капельки пота на лбу, а она все шепчет и шепчет:

– Доказательство? – говорит. И тут же тычет куда-то. – Вот тебе доказательство! Квартирой он откупился. Пришлось родную Михайловку бросать, в городок этот перебираться. Никто так ничего и не прознал, – откинулась она на подушки. – И оформил так, как адвокаты ему советовали – в очередники ввел под номером первым... одно это ему дороже самой квартиры стало. Зато не подкопаешься – ни подписи нет его, ни фамилии нигде не значится, – всхлинула мать. – Нет по бумагам у тебя отца, нет. Даже фотографии не оставил. Ну, бог с ним. Простила! Но кровушка у тебя его. Лицо – чистая копия! И нос, и глаза, и брови вразлет. И взгляд... – затряслась вдруг в рыдании мать. – Увидит сейчас – признает. Ты – напиши ему, все как есть напиши. Мало ли... И фамилию его шепнула: *Рязанцев Олег Анатольевич*.

Ох, думы были у меня жесткие. Ох, жесткие. Перед сном планы дерзкие вынашивала. Но! Успела только по Netу скачать, что папочка партийцем крутым сделался, ну, думаю, постой-погоди, будет тебе явление Христа народу.

Недолго бродили мыслишки, пару ночей всего ими бредила. А затем – новый бред – запала на мужика командированного. Залетела... Другие проблемы встали: рожать решила. Твердо. Видно на роду так написано...

Но тут вновь тряхнуло калейдоскоп, картинка высветилась – супер! Три дня назад раздался тот самый звонок. Голос был незнаком, шелестел как шины под дождем, мерзкий, короче, голос. И не поймешь – мужик ли, баба... не представился. Грит только – береги ребенка – в нем счастье твое новое. Повод, – говорит, – будет: поздравить депутата Государственной Думы. С внуком! Рязанцева Олега Анатольевича. Знаешь такого?!

Я аж подпрыгнула! Ну, думаю, – не свистит. Про папика родного ни одна душа не знала. Не тот у меня характер, чтоб молоть языком попусту.

Значит, думаю, предок уже и в депутаты прошел. Хо-р-р-ро-шо... Холодная ярость затопила. Я согласилась выполнить все условия незнакомца. Это было мне на руку. Ребус незнакомца я разгадала «на раз». Фотки против бабок. Элементарный шантаж. На кону – миллион долларов.

В интернет-кафе она выискала фотку папика. Холеный, блин. Жена, две дочки-близняшки-лапушки. И должность в Думе – звучная, сытая. Такой заплатит, никуда не денется.

На следующий день она наткнулась в киоске на красочный журнал «Вояж в сказку!». Он разбудил детские мечты о путешествиях. Ее выбор пал на Гоа – западный берег Индии. Живо-

писная природа, великолепный климат, бескрайний океан – все как в раю. Плюс отзывчивые «колонисты»-европейцы. Много русских...

Или, – задумалась она, – для начала рвануть поближе?.. А что? Отряхнуть от пыли мечту детства и – вперед! В Париж. Столицу мира...

Пролистав несколько страниц, она остановилась на изумительной картинке: он, она, лазурное море и... знаменитый отель «Grand Des Anglais», порог которого переступали наследные принцы Европы... Сан-Ремо! Пусть будет Сан-Ремо – город песен, цветов и фестивалей.

Вот так. Следующий брык «калейдоскопа» она сможет теперь запланировать. И никаких больше пугающих «вдруг». С такими деньжищами-то...

* * *

г. Новосибирск, февраль 2008 г.

Она проснулась и поняла – что-то не так... исчезли шорохи – родные, прирученные, ласковые... Потянуло чем-то тревожным, тяжелым, сумеречным. Так пахнет беда.

Она крепко зажмурилась – не помогло.

Не журчала вода в ванной, не скрипела половица у зеркала, не кряхтела древняя табуретка на кухне (ветеран брежневской поры), не звякали чашки... Ти-ши-на. Мертвая...

Она распахнула глаза и потянулась: надо же, причудится всякое. Солнце било в литавры нового утра, радостно позвякивал трамвай, весело чирикала на остановке стайка студентов из соседней общаги. Все просто, как этот новый день: Александр спит после очередной бессонной ночи – готовится удивить и ее, и весь мир. Потрясающим открытием. Его конек – нанотехнологии. Его ставка – Россия...

Резко вскочив, напугала пружины – они взвизгнули.

Набрасывая халат, смахнула с журнального столика «Паркер» – недавний подарок сына. Ручка, возмущенно подпрыгнув, треснула.

Распахнула окно в ясное морозное утро, – ой! – невольно задела ветку. Глянула вниз: почернел пуща прежнего старый клен, долу опустил заледенелые ветки и... затрясся вдруг в беззвучном плаче, как гонец с печальной вестью.

«Что происходит?!» – обвела она взглядом комнату. В ее сторону недобро косилось зеркало. Мрачный запах грядущего выталкивал ее в коридор. К чему-то прислушиваясь, она медлила. Вдруг... Оглушительный грохот заложил уши. Непрошенным гостем ворвался сквозняк. Испуганно отпрянула дверь, протяжно заскулили створки шкафа.

Она бросилась в комнату сына, когда гнетущая тишина зачавкала замирающими звуками: то ли стоны, то ли всхлипы сходили на нет. Кожа оцетинилась пупырышками, волосы встали дыбом, в жарко натопленной квартире зуб на зуб не попадал от ужаса.

Саша лежал у окна. Навзничь. Лицо размозжило рухнувшей секцией антресолей. В его правой руке была зажата странного вида деревяшка – нечто вроде крошечного костылика – не больше двадцати сантиметров.

Книжный шкаф злобно ощерился пустотами, ноги ступали по вороху исписанных бумаг – *его труды*, Сашины. Здесь что-то искали?..

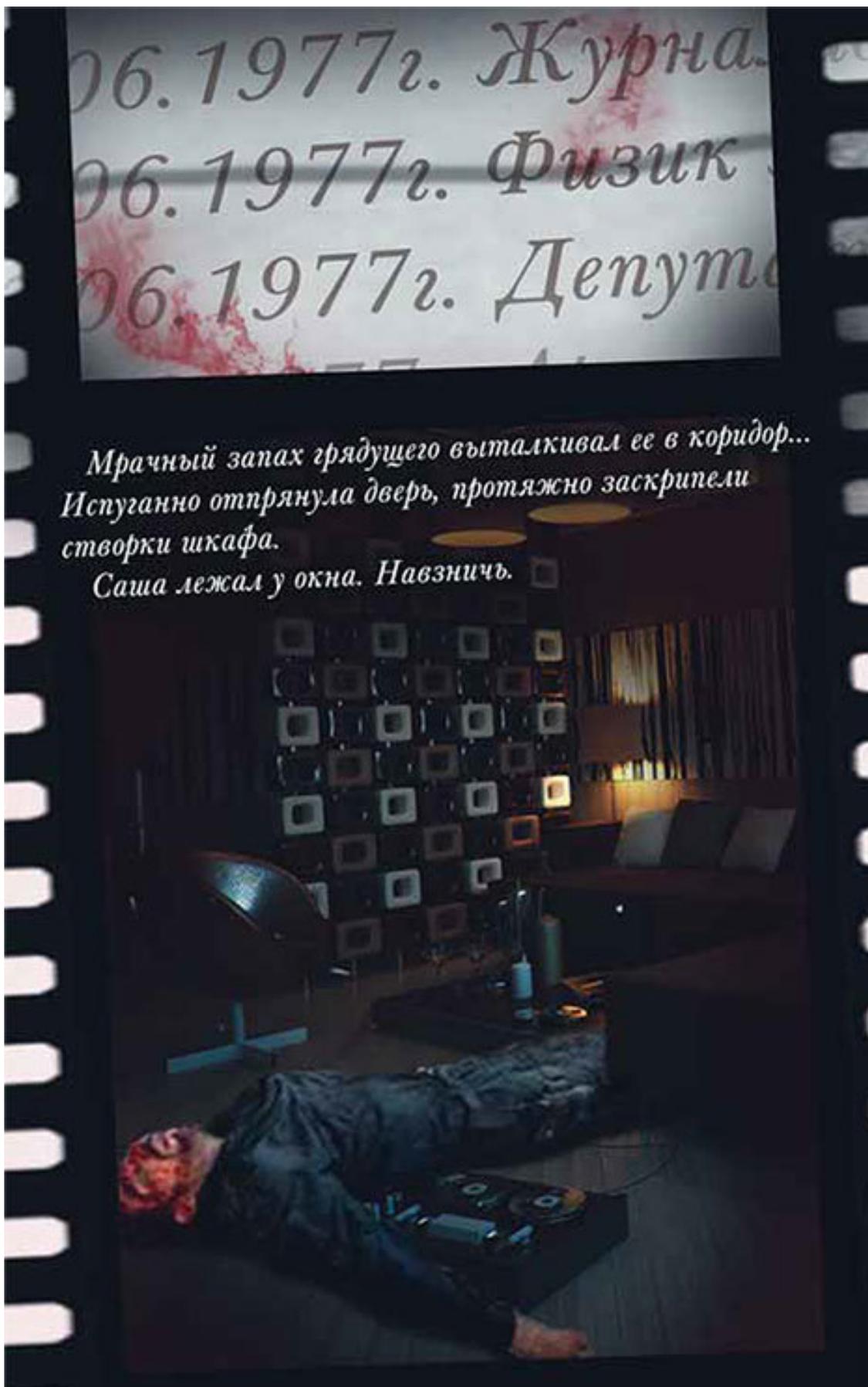
Ей было до лампочки. Потолки-то высокие... И крюк не достать... Сознание дробилось и меркло под улюлюканье гиблой тишины.

Сочувственно всколыхнулась лишь штора, приглашая к распахнутому окну.

Предостерегающе пискнула дверца письменного стола. Она грозно шикнула, как на Сашеньку, когда он был маленьким. Строгость пошла на пользу. Теперь Саша – гордость России...

Не своим голосом прокаркала кукушка из опрокинутых часов-ходиков. Она свернула ей шею... Затем... шагнула на подоконник.

Вновь радостно зааплодировали родные шорохи. Услужливо протянула лапу сверстница ель-гренадерша. По-сыновьи нежно приобнял ее ветер. Гнетущая тишина разбилась на тысячи осколков.

Глава III

Осечка

Подмосковье, 29 февраля 2008 г.

Первые полосы кричали заголовками, как девица на пустынной улице в окружении готовых покуражиться. Верхний из разложенных на столе еженедельников полетел в лицо худощавому:

– Вот она – осечка! – выпрыгнул из кресла коренастый. – Жив журналюга, жив!

– В реанимации, – буркнул под нос худощавый. – Говорят – не жилец, – повел он подбородком в сторону той же газеты.

– Го-во-рят, – передразнил он помощника и пересел в кресло напротив – у приставного столика.

«Стало быть, порки не будет», – воодушевился худощавый и, удобно облокотившись, подался вперед, внимая.

Он угадал – вместо ц. у. последовал короткий спич.

– В целом, операция «Ирод» прошла безупречно, – в нарочито грозном рокоте прорезался кураж победителя. – Основная задача выполнена: *вероятный форс-мажор упрежден*. Даже! – многозначительно поднял он палец, – если журналюга и выкарабкается, – его поезд ушел. Но не будем искушать судьбу: заказ не снимать. Ошибку исправит тот, кто ее допустил, – Волк.

Коренастый поднялся и подошел к окну.

Украдкой глянув на часы, худощавый поправил разверстые листы газет и начал складывать в аккуратную стопку, упреждая на всякий случай недовольство шефа.

«На этот раз летучка оправдала свое название», – удовлетворенно кивнул он своим мыслям. И – сглазил.

– Об осечке я сказал, – все также глядя в окно, пробормотал коренастый. – Но! – резко обернулся он. – Осечка – лишь следствие. Исполнитель, – верхняя губа пренебрежительно дернулась, – увлекся самодеятельностью.

Зоб худощавого подпрыгнул.

«Это надолго», – проглотил он досаду.

– У него, – повысил голос коренастый, – появился напарник! Вопреки контракту.

– Но помощников Волк всегда подбирает сам.

– Именно! По-мощ-ни-ков. Которых использовал втемную, – коренастый тяжело опустился в начальственное кресло. – Напарник – это след. Едва осязаемая, но ниточка. Прямо к нам, – раздвинул он губы в оскале.

Эта гримаса, видимо, означала улыбку. Но худощавый на нее не купился. Даже мышцы живота напряг, словно упреждая удар. И правильно сделал. Следующая фраза шефа пригвоздила его к месту:

– Разберешься. На месте. Сам.

– Ты о пацане? – пробормотал худощавый. – Волк не позволит.

– Пацан ли, пацанка, – проигнорировал он последнюю фразу, – кто его знает... Разродился наш степной Волк волчонком, а тот и примелькался. Читал?! – рывкнул он, а пятерня уже сбила аккуратную стопку газет. – И когда физика замочили, некий пацан там с соседнего балкона сигал. – Взяв двумя пальцами «Новосимбирский вестник», он с брезгливой гримасой швырнул его в сторону худощавого. – А что за малолетка пришлая в песочнице играла, когда похищали дочку пропавшего ныне мэра? А? – теперь уже в сторону подчиненного летел популярный российский еженедельник. – А кто, спрашивается, – все больше заводился корена-

стый, – надоумил Волка одевать своего подмастерье в курточки-светофоры? Вот! – щелкнул он пальцем уже по следующей газете. – Вот... «Нелепая смерть депутата!» та-ак и подзаголовок: «Кто устроил короткое замыкание?» Теперь сам читай, сам. И здесь симофорит пацан-малолетка в яркой куртке. Вот!.. И так везде, – тяжело плюхнулся в кресло коренастый. – Кроме... – он причмокнул губами и взгляд его посветлел. – Операция с губернатором и актером прошла блестяще! Одним ударом – двух зайцев. Впору Волка ювелиром кликать. И заметь, никакой пацан там не наблюдался, – легонько постучал он по «Южно-российской правде». – Грешат там, – уже любовно провел он подушечкой пальца по озверевшему от ужаса заголовку, – на некоего подставного ветерана. Антикварные часы-ходики вручил он прямо в руки губернатора в момент, когда рядом терся актер. Спустя пять-шесть секунд – хоп! И грохнуло. А старик-подагрик как в воду канул. Всех, представь, обшманали – от obsługi до гостей. Чубы-усы-волосья у всех мужиков дергали – на предмет маскарада. Пусто. Испарился... – цыкнул коренастый и развел руками. – Вот тут и слов нет. Мастер-класс в натуре.

– А ход с Рязанцевым?! – встрял обидчиво худощавый. – С депутатом-то...

– Да! – цокнул языком коренастый. – Действительно, ход конем. Но... слишком уж – это... – пальцы нетерпеливо щелкнули, но слово нужное не явили, – индийское кино, короче. Худощавый несогласно ёрзнул.

– Не, ты ж смотри, что пишут! – вытянул коренастый свежий номер «Московского гонца» и припечатал лапой как кувалдой.

Худощавый судорожно сглотнул и осторожно подтянул к себе еженедельник.

– В лесополосе, на задках его дачи, – продолжил коренастый, комично ломая интонацию, – находят тело беременной молодухи – из тмутаракани. Со вспоротым животом, однако. Причем! – уже явно кривляясь, он подвесил на вздернутом пальце мхатовскую паузу. – Причем фотки этой молодухи, еще живой и здоровой, находят... в спальне депутата. И – опаньки! – тут же – ворох ее писем с угрозами: «не дашь миллион, поганый родак, опорочу!» А молодуха и впрямь – одно лицо с депутатом, и сличать не надо – одна порода, по фоткам видно. Отцом, стало быть, при рождении – брошена, скверным бытом в своей тмутаракани – растоптана, подалась после смерти матери в мстители народные, в духе времени. И – не выдержал наш Олег Анатольевич, – сорвался! Самолично деваху зарезал (на ножичке его «пальчики» обнаружены). А затем и себя с горя кокнул, иуда! Так что, – перевел дух коренастый, – для бразильского сериала – оно и неплохо. Но в нашем деле, – в его голосе зазвенел вдруг металл, – такие сложности ни к чему. Стареет наш Волк – на мелодраму потянуло. А у спецов его профиля – иной жанр.

– Впрочем, – постучал он пальцем по разверстым листам еженедельника, – вердикт предварительного следствия обнадеживает: самоубийство. Застрелился наш Олег Анатольевич, не вынес гласности, убивец, – в хищном оскале мелькнуло одобрение.

Худощавый расслабленно улыбнулся.

– В общем, браток, дуй в творческий отпуск, – опустил его на землю коренастый. – На Кавказские Минеральные Воды. В славный городок Семигорск. Если что – обойдешься с Волком без церемоний. Но это в крайнем случае. Крайнем! Твоя цель – его выкормыш... За недельку, думаю, справишься, – подмигнул он. – По возвращении – доложишь. Лично, – поднял тяжелые веки коренастый. – Удачи!

«Да, – пятясь к двери, задумался худощавый, – удача не помешает». И тут же суеверно сплюнул. Он вспомнил вдруг растерзанный труп чистильщика, посланного несколько лет назад по душу Волка. И содрогнулся. Прямой контакт с Волком не сулил ничего хорошего.

Глава IV

Евгений

Семигорск, март 2008 г.

Верка глупо хихикнула. Как обычно при неожиданной встрече. После развода мы виделись лишь случайно, напарываясь друг на друга как слепые шары на бильярдном поле. И – оторопев – разбегались. Каждый – в свою лузу.

Но сейчас я не спешил ретироваться: о состоянии ее брата-близнеца я знал лишь опосредственно. А ведь коллега, как никак. Да еще и родственник, хоть и бывший.

Про то дело – о наезде на известного репортера («молниеносный таран», «с выключенными фарами на пешеходной части бульвара») не слышал только глухой. Леху спасло чудо – он успел бросить свое тело за каменный угол портала. Но правую ногу все же смело. Врачи, говорят, чинить упарились. А виновный, преступник то есть, бесследно скрылся. Лишь случайный ночной прохожий успел заметить темную тушу «мерина» и своевременно вызвать «скорую». Алексея спасли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.